

УДК 330.8;339.9

НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОДОСТАТОЧНОСТЬ: АКТУАЛЬНЫ ЛИ ЕЩЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДЖ.М. КЕЙНСА?

УСПЕНСКИЙ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ, канд. экон. наук,
доцент Департамента экономической теории Финансового университета
E-mail: wowaus@skypoint.ru

ЮДАНОВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ, д-р экон. наук, профессор Департамента экономической теории
Финансового университета, Заслуженный работник высшей школы РФ
E-mail: yudanov@yandex.ru

С современных позиций рассмотрены аргументы сторонников теории автаркии (национальной самообеспеченности) 1920–1930-х гг., в том числе взгляды Дж.М. Кейнса. Выявлена актуальность обсуждавшихся в рамках этой теории проблем (международные экономические санкции; продовольственная, технологическая и военно-политическая безопасность; влияние курса валюты на ставку процента и другое). Обсуждены особенности позиции Дж.М. Кейнса, в частности ее прагматизм и привязка рекомендуемых ограничительных мер исключительно к ситуациям, когда ограничение внешнеэкономических связей оправдано мощным внутриэкономическим эффектом. Утверждается, что селективное использование ограничений перспективно и в современных условиях.

Ключевые слова: автаркия; фритредерство; протекционизм; межвоенный период; наследие Кейнса.

National Self-Sufficiency: Are Recommendations of J.M. Keynes Still Relevant?

VLADIMIR A. USPENSKY, PhD (Economics), associate professor of the Economic Theory Department,
Financial University
E-mail: wowaus@skypoint.ru

ANDREI Y. YUDANOV, ScD (Economics), full professor the Economic Theory Department, Financial University,
Honored Worker of the RF Higher Education
E-mail: yudanov@yandex.ru

The arguments of the autarchy (national self-sufficiency) theory supporters of 1920–1930 including the views of J.M. Keynes are reviewed in the modern light. The relevance of problems discussed in the framework of this theory is revealed (international economic sanctions, food, technological and political security, the impact of the exchange rate on the interest rate, etc.). The specific features of J.M. Keynes' position, in particular, its pragmatism and referencing recommended restrictive measures exclusively to situations where the limitation of foreign economic relations is justified by a powerful internal economic effect are discussed. It is argued that the selective use of constraints may be also advisable under the present conditions.

Keywords: autarchy (self-sufficiency); free trade; protectionism; interwar period; Keynes' legacy.

Значение концепции автаркии

В 2016 г. исполнилось 80 лет со дня выхода в свет работы Дж.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег». Судьба макроэконо-

мических воззрений Кейнса была изменчивой: в разные периоды они вызывали и одобрение, и критику, но со знаком «плюс» или «минус» из общего дискурса актуальной экономической

науки они никогда не выпадали. Ни современную макроэкономическую теорию, ни теорию государственного регулирования представить без кейнсианства невозможно. Один аспект воззрений Кейнса, однако, достаточно быстро был предан почти полному забвению, а именно приверженность Кейнса доктрине автаркии или национальной самообеспеченности.

Между тем середина 1930-х гг., время публикации главной работы Дж.М. Кейнса, — это не только период обсуждения среди ученых тяжелейшего кризиса экономики в истории рыночных преобразований и первых попыток выработки концепции государственного антициклического регулирования, но и время не менее острой дискуссии о системе международных экономических отношений. Традиционное противостояние фритредеров и протекционистов было таким ожесточенным, что всерьез обсуждалась целесообразность свертывания мирохозяйственных связей.

Впервые за несколько веков после, казалось бы, триумфального научного обоснования выгод международного разделения труда (концепции абсолютных и относительных преимуществ А. Смита — Д. Рикардо) на уровне теории¹ предлагались не просто некие ограничительные меры, но самоизоляция наций. Кейнс принял участие в дискуссии на стороне сторонников автаркии, причем эта тема явно была для него не проходной. Его первые сомнения в правильности традиционных фритредерских (либеральных) подходов прослеживаются с середины 1920-х гг. (см., например, статью «Экономические последствия валютной политики мистера Черчилля», 1925 г.). В 1933 г. Кейнс публикует программную работу «Национальная самодостаточность» в авторитетном британском журнале *The New Statesman and Nation*. Незадолго до этого схожий и также озаглавленный текст появляется в *Yale Review*. Наконец, проблеме автаркии была посвящена и большая часть главы 23 «Общей теории занятости, процента и денег» (1936).

Участие в формировании концепции автаркии крупнейших ученых, огромная притягательность

этой парадигмы и серьезность аргументов, выдвигавшихся в ее обоснование, хорошо известны историкам экономической мысли. Но их часто недооценивают экономисты, воспринимающие современную глобализованную экономику как естественное и чуть ли не единственно возможное состояние международных экономических связей. Анализ позиции такого большого ученого, как Кейнс, дает нам повод взглянуть на аргументы забытой теории, тем более, что многие некогда обсуждавшиеся проблемы (санкции; продовольственная, технологическая и военно-политическая безопасность; влияние курса валюты на ставку процента и многое другое) как никогда современны.

Время, когда экономисты верили в автаркию

Экономический кризис 1929–1933 гг. вызвал в мирохозяйственных связях волну катастрофических процессов: многократное сокращение торговых потоков и вывоза капитала; крах золотого стандарта и последовавшую войну девальваций и таможенных тарифов; дезорганизацию трансграничной системы платежей и ряд иных явлений, обусловивших резко отрицательное влияние международных экономических отношений на внутреннюю экономику большинства государств. К тому же страны все сильнее втягивались в подготовку к приближавшейся мировой войне. Удары извне по национальной экономике стали неприемлемыми как в экономическом, так и в военно-политическом аспектах. Реакцией на перечисленные угрозы стало становление² доктрины национальной самообеспеченности или автаркии. Эта крайняя разновидность протекционизма приобрела огромную популярность практически во всех ведущих странах мира.

В США влиятельная Ассоциация внешней политики (Нью-Йорк) утверждала следующее: «Зависимость от продажи товаров за границей представляет тяжелое бремя. Иностранные государства могут в любой момент поднять тарифы или разрешить продажу лишь определенного

¹ На уровне практики протекционизм, включая свои самые жесткие формы, не исчезал полностью никогда, включая в свою орбиту то одну, то другую страну, как правило, из числа «неудачников», испытывавших на мировом рынке особенно большие трудности.

² Точнее, новое понимание термина «автаркия», который ранее применялся к античным городам-государствам и был близок по значению к понятию «натуральное хозяйство».

количества товаров и, таким образом, отрезать нас от важных источников доходов... Иностранцы производители, кроме того, могут внезапно выбросить на наши рынки огромные массы продукции и сокрушить наши национальные отрасли промышленности» [1, с. 17]. И подобные взгляды не были единичными в Америке. «Нас захлестнула настоящая волна увлечения экономическим национализмом», — резюмировал умонастроения этого времени Ч. Типпетс [2, с. 111].

Характерно, что столь остро ситуация воспринималась даже в США, несмотря на то, что эта страна обладала огромной и в силу самого этого факта в значительной мере самодостаточной экономикой. А ведь США были к тому же территориально удалены как от основных конкурентов из Европы, так и от главного театра боевых действий приближавшейся войны.

В Германии внимание обращалось в первую очередь на сферу экономической безопасности с легко прочитаемым подтекстом подготовки к войне. Например, в 1932 г. на заседании главной комиссии Рейхсфербанда (т.е. союза предпринимателей) германской промышленности видный представитель деловых кругов К. Ламмерс подчеркивал: «Национальная автаркия не представляет собой закрытого для торговли хозяйства... Связи национальной экономики с мировым рынком могут быть допущены при условии, что гарантировано выполнение трех следующих требований:

- 1) национальная экономика в случае разрыва связей с мировым рынком должна сохранять жизнеспособность (продовольствие должно производиться в собственной стране);

- 2) связь с мировым рынком не должна осуществляться за счет интересов германского народа (примат внутреннего рынка);

- 3) связь национальной экономики ни при каких условиях не должна приводить к политической или экономической зависимости (пример, нефти)» [3, с. 8–9].

Задним числом подобные рассуждения легко списать на агрессивность элиты быстро фашизированной страны. Реваншистские устремления были действительно очень сильны в Германии эпохи поздней Веймарской республики. Но трудно не согласиться с тем, что необходимость в

достаточном уровне продовольственной самообеспеченности возникала и в других странах (и продолжает возникать в наше время) в качестве важного фактора национальной безопасности при любом росте напряженности международной обстановки.

Показательна и ссылка на нефть. В 1920–1930 гг., т.е. по тогдашнему популярному выражению в разгар «века моторов», Германия не имела собственных источников этого универсального (для автомобилей, самолетов, кораблей) топлива своего времени. Стоило перекрыть поставки нефти (с чем легко мог справиться британский флот), и германская экономика остановилась бы. Не случайно, создание альтернативы нефти — производства жидкого синтетического топлива из угля — стало центральной миссией «ИГ Фарбениндустри», германского химического сверхгиганта того времени (по итогам Второй мировой войны он был разделен на даже по нынешним меркам огромные «БАСФ», «Байер» и «Хёхст»).

Особого комментария заслуживает второй пункт требований, касающийся примата внутреннего рынка. Он напрямую связан с повышенной циклической уязвимостью международно-ориентированной экономики. Последнюю было прямо принято выводить из излишней степени специализации. Б. Лаум, крупный теоретик³, один из наиболее известных последователей И.К. Родбертуса, писал по этому поводу: «То обстоятельство, что односторонняя специализация усиливает кризисы, постоянно подтверждается опытом... Специализированные фирмы, производящие с помощью специализированных машин специализированные продукты, в большей мере подвержены хозяйственным трудностям, чем имеющие более общий характер и соответственно способные более легко перестроиться. К тому же выводу, что излишняя специализация усиливает кризис, а большая универсальность его смягчает, можно прийти и на основе анализа зарубежного опыта. На первое место я ставлю Францию... Своей удивительной устойчивостью к кризисам она обязана тому, что не является односторонне специализированной» [4, с. 467–468].

³ И одновременно убежденный нацист.

После прихода в Германии к власти нацистов (1933) автаркия вообще стала частью официальной идеологии страны. Точкой общенационального поворота к ней обычно называют программную речь Г. Геринга (на тот момент министр-президента Пруссии, т.е. главы крупнейшей из германских земель) на заседании Прусского ландтага в Берлине 17 декабря 1936 г. В том же году доктрина автаркии нашла практическую реализацию в четырехлетнем плане развития экономики Германии, основным содержанием которого, наряду с переводом экономики на военные рельсы, она, собственно, и была. Официальным уполномоченным по реализации плана не случайно был назначен тот же Г. Геринг, в аппарате которого он и был разработан [5].

Не меньшую роль автаркия играла в экономической политике фашистской Италии. В 1935 г. после начала Второй итало-абиссинской войны Совет Лиги Наций ввел экономические санкции против этой страны. Был наложен запрет на поставки оружия и некоторых видов стратегического сырья (каучука, свинца, олова, хрома). Кроме того, страны — участники Лиги Наций должны были ограничить импорт товаров из Италии и не предоставлять ей кредитов и займов. Хотя санкции не распространялись на многие ключевые продукты (нефть, уголь, чугун, сталь), а наличие значимых стран, не присоединившихся к ним (например, США), и вовсе оставляло возможность обхода ограничений, Италия провозгласила переход к полной автаркии. Официально внешнеторговые отношения считались допустимыми лишь с союзными государствами, прежде всего с Германией.

Существенную, хотя и заметно меньшую поддержку идеи автаркии находили во Франции [6]. Даже в Англии, на родине Кейнса и многовековой цитадели фритредерства, многие экономисты полагали «что важнейшей причиной того, что нации стремятся жить своим домом... является желание избежать неопределенности и дезорганизации, которые они склонны связывать с расширением торговли с другими странами» [7, с. 96].

Достоинства автаркии: аргументы Кейнса

В течение жизни взгляды Дж.М. Кейнса эволюционировали от фритредерства к протекционизму.

Причем он не только этого не стеснялся, но и неоднократно подчеркивал: «Моя критика направлена против несостоятельности теоретических основ доктрины *laissez-faire*, на которой я сам воспитывался и которой в течение многих лет обучал других» [8, с. 17]. Более того, в зрелых работах Кейнс позволял себе сравнивать фритредерство с религиозными доктринами, способными заставлять людей видеть (или истолковывать) даже очевидные вещи не такими, какими они были в действительности.

В работах Кейнса, если смотреть на них глазами современного (вновь фритредерского) мейнстрима, сплошь и рядом встречаются шокирующие позиции. Фактически весь вышеописанный нами репертуар аргументов сторонников автаркии присутствует. Это и надежды с помощью таможенных тарифов сократить британскую безработицу, и опасения враждебной экономической политики других стран, и уверенность в благотворности опоры на собственные силы: «Мы нуждаемся в том, чтобы быть настолько свободными, насколько это возможно, от всех экономических изменений где-либо, чтобы осуществить избранный нами самими эксперимент [имеется в виду британский путь развития — *авт.*]. А движение по пути к большей национальной самообеспеченности и экономической изоляции сделает нашу задачу проще» [9, с. 65].

Вместе с тем причины приверженности Кейнса идеям автаркии, на наш взгляд, глубже, чем у большинства придерживавшихся изоляционистских убеждений современников. Прежде всего, он подвергает сомнению, казалось бы, незыблемый, неоспоримый даже в глазах оппонентов фундамент фритредерства — представления о выгодах международного разделения труда. Точнее, Кейнс не сомневался в существовании этих выгод в XVIII–XIX вв., когда и были разработаны теории абсолютных и относительных преимуществ. В качестве константы, справедливой на все времена, Кейнс признает необходимость «определенного уровня международной специализации», обусловленного естественными причинами (разницей климата, неравномерным распределением природных ископаемых и пр.).

Однако, по его мнению, применительно к более развитой экономике конца первой трети XX в. в своем основном содержании ситуация

радикально изменилась. «Накапливаются доказательства того, что большинство современных процессов массового производства могут быть реализованы в большинстве стран и климатических условий практически с одинаковой эффективностью» [10, с. 761]. Страновых преимуществ при такой постановке вопроса просто не может быть, во всяком случае не может быть в современном секторе экономики.

В этой новой реальности рикардовский взаимовыгодный обмен английской шерсти на португальское вино перестает быть самоочевидным аргументом в пользу внешнеэкономического сотрудничества. Ведь производственный потенциал ведущих стран отныне олицетворяют не природные пастбища или виноградники, а автосборочный конвейер и химический реактор. А подобные производства могут быть эффективно организованы в любой из стран.

Сегодня рассуждения этого рода звучат, пожалуй, еще весомей, чем во времена, когда они высказывались Кейнсом, поскольку получили мощное эмпирическое подтверждение. Не слишком богатый природными ресурсами, не имевший (по меньшей мере, первоначально) квалифицированной рабочей силы и безнадежно отстававший от технологических лидеров Китай смог наладить производство практически всех современных товаров, превратившись во вторую в истории человечества «мировую фабрику». Именно эта тотальность освоения разнообразных продуктов значима в свете аргумента Кейнса: применительно к сфере господства современных технологий не найдется ни одного товара, производство которого нельзя бы было при разумной постановке дела *эффективно* — это ключевое слово! — организовать внутри одной страны (в данном случае в Китае).

Разумеется, современный Китай менее всего похож на автаркическое хозяйство. Несомненно, что успехи этой страны никогда не реализовались бы без беспрецедентного импорта капитала и технологий, равно как и без экспортно-ориентированной модели роста. Но факт остается фактом: не имевшая исходных значимых преимуществ страна сумела наладить полный цикл современных конкурентоспособных производств: от первых переделов сырья до конечной сборки

готовых продуктов. Как это ни парадоксально, открытый и повернутый к миру Китай способен сам удовлетворять собственные потребности в столь высокой степени, которую на практике редко удавалось достичь ориентированным на автаркию режимам прошлого.

Не утратил, а скорее только нарастил свою значимость и другой аргумент Кейнса против преимуществ международного разделения труда. В нынешних терминах его можно передать как увеличение в современной экономике доли так называемых неторгуемых товаров (*non-tradable goods*), не принимающих участия в международной торговле. Этот процесс виделся Кейнсу прямым результатом расширения сферы услуг, по самой своей природе не поддающихся транспортировке: «Более того, с ростом богатства [наций — *авт.*] как первичные, так и промышленные товары занимают меньшую долю в сравнении с [услугами] жилищ, персональными услугами, местными достопримечательностями, которые не находятся в международном обмене» [10, с. 761]. А ведь со времен Кейнса третичный сектор только рос и рос, все более тесня первичный и вторичный сектора!

Еще одно отличие Кейнса от других сторонников автаркии, по нашему мнению, состоит в том, что он смотрел на проблему глазами первого теоретика государственного антикризисного регулирования и потому стремился выявить влияние внешнеэкономических связей на параметры макроэкономического равновесия в стране. Он, например, писал: «Внутреннюю экономическую политику часто было бы легче проводить, если бы удалось взять под контроль феномен, известный как „бегство капиталов“» [9, с. 37].

Кейнс, вероятно, первым обратил внимание на то, что ключевая для его теории категория ставки процента может отклоняться от оптимального для экономики уровня в связи с внешнеэкономическими воздействиями. «За последнее время лондонские банкиры-практики многому научились, и можно почти надеяться, что в Великобритании больше никогда не будут пользоваться методом регулирования банковского процента для защиты платежного баланса в таких условиях, когда это может породить безработицу внутри страны» [8, с. 290]. В этих словах отчетливо провозглашается приоритет

внутриэкономических целей над внешнеэкономическими целями.

Вероятно, от ученого, творившего в эпоху Великой депрессии, иного нельзя было ожидать. Невиданный по глубине и длительности кризис, поставивший под вопрос само существование капиталистической экономики (ни до, ни после него такого не наблюдалось), практически не оставлял выбора, чем жертвовать. Если Кейнс и надеялся на восстановление мирохозяйственных связей, то ожидал его в качестве косвенного результата оздоровления внутри национальной экономики. Он писал: «Именно политика независимой нормы процента, не нарушаемой соображениями международных отношений, и [политика — авт.] осуществления программы национальных инвестиций, направленной на достижение высокого уровня внутренней занятости, дважды благословенна потому, что она одновременно помогает и нам, и нашим соседям» [8, с. 299].

Еретические мысли Кейнса и наше время

Примерно с конца 1950-х гг. теории автаркии постепенно утратили популярность. В наше время ее приверженцы и вовсе не рассматриваются в экономической науке всерьез. То, что к их числу принадлежал великий Кейнс, вообще, как правило, не вспоминается. Экономисты, вновь вернувшие в свои учебники апологию свободы торговли, обычно трактуют (реже в прямой форме и чаще по умолчанию) дискре-

дитацию доктрины автаркии как результат ее содержательного краха, как следствие слабости аргументов в ее пользу.

В течение жизни взгляды Дж.М. Кейнса эволюционировали от фритредерства к протекционизму

Однако представляется, что при таком подходе недостаточно учитываются долговременные исторические тренды. Процесс интернационализации экономической жизни не направлен в одну сторону. И господствующие в этой сфере долговременные тенденции не могут не оказывать влияния на течения экономической мысли. Аргументы в пользу фритредерства звучат крайне неубедительно, когда мирохозяйственный комплекс катастрофически свертывается. Напротив, распространение автаркических взглядов крайне сомнительно в эпоху длящегося десятилетиями стремительного расширения внешнеэкономических связей.

В *таблице* чередование периодов экспансии и сжатия мирохозяйственных связей отчетливо видно на примере развития внешней торговли за последние сто лет. Перед Первой мировой войной значение экспорта для экономики важнейших развитых стран было колоссальным. Несмотря на

Таблица

Динамика экспортной квоты крупнейших развитых стран

Страна	До Первой мировой войны	Межвоенный период			После Второй мировой войны			XXI в.
	1913	1928	1932	1938	1950	1960	1981	2014
США	12,9	6,3	4,0	4,8	3,9	4,0	8,0	9,3
Япония	—	14,0	14,0	11,7	—	9,8	13,5	14,8
Германия	23,8	17,6	13,4	7,0	11,0	20,0	25,6	39,2
Великобритания	23,9	22,2	—	15,4	22,0	20,0	19,3	17,2
Франция	19,1	—	—	11,8	16,0	15,0	18,6	20,5

Источник: рассчитано по: Helander S. (1955) Das Autarkieproblem in der Weltwirtschaft, Berlin, p. 33–47; Union Bank of Switzerland. Switzerland in Figures (1962), p. 6; (1982), pp. 6–7; (2015), pp. 6–7.

отсутствие нынешних средств связи и транспорта, размеры экспортной квоты в целом были сопоставимы с современными, а в некоторых странах и превосходили их. Не удивительно, что фритредерство в ту эпоху господствовало практически безраздельно. Последовавшее далее двукратное-трехкратное снижение экспортной квоты в межвоенный период вряд ли случайно совпало с описанным выше временным торжеством доктрин автаркии. Наконец, длящееся вплоть до нашего времени усиление интенсивности внешнеэкономических связей делает близкое возрождение идей самоизоляции маловероятным — очевидно, что преуспевание наций, отраслей и отдельных фирм в наше время зависит от их способности добиваться успеха на мировом рынке.

Однако представляется, что в научном плане нельзя отмахнуться от проблем, обсуждавшихся в знаменитой дискуссии об автаркии, лишь потому, что тотальная самоизоляция стран сегодня не актуальна. Излагая позиции сторонников автаркии и, в особенности, соображения Дж. М. Кейнса, мы стремились продемонстрировать, что и по современным представлениям они отнюдь не являются беспочвенными.

Особенно привлекает прагматизм Кейнса. Вернемся к тому, с чего начиналась статья, а именно к публично признававшемуся Кейнсом радикальному изменению его взглядов на фритредерство и протекционизм. Чем мотивировал он смену позиции? «Снова взгляды сейчас в положениях тех фундаментальных истин [имеются в виду фритредерские взгляды — *авт.*], которых я придерживался тогда, я не ощущаю желаний оспаривать их. Однако мои взгляды переменились; и со мной эту перемену разделяют многие другие. Отчасти это связано с изменением моих экономико-теоретических воззрений (*background of economic theory*) ...Но в основном я связываю смену с чем-то иным... По крайней мере сейчас, прожив треть двадцатого столетия, большинство из нас [ментально] покидает столетие девятнадцатое» [10, с. 755].

Кейнс смотрит на соотношение рисков и выгод свободы торговли, какими они были в XIX в. и какими стали в наиболее кризисный период XX в. И отказывается от фритредерства не из теоретического пуризма, а потому, что *в конкретных условиях* фритредерские рекомендации

становятся самоубийственными. У Кейнса нет идеализации свободы торговли, как нет и идеализации автаркии, но лишь выбор стратегии, представляющейся оптимальной в определенной ситуации. «Национальная самообеспеченность, если быть кратким, хотя и стоит неких расходов, но представляет собой роскошь, которую мы можем позволить себе, если сочтем это нужным» [10, с. 761].

Вопрос, по его мнению, состоит, следовательно, не столько в необходимости выбора между фритредерством и автаркией, сколько в том, применительно к каким конкретным целям имеет смысл избрать инструменты той или другой заведомо неидеальной стратегии. И в этом, более узком смысле⁴ давние рекомендации Кейнса, по нашему мнению, приобретают вполне современное звучание. Приведем лишь один пример.

Когда, в сложной депрессивной обстановке 2014 г. упали цены на нефть и начался обвал курса рубля, Банк России поднял ключевую ставку процента до 17%, остановив девальвацию, но и нанеся сокрушительный удар по и без того слабой внутренней деловой активности страны. При новом уровне ставок возможности внешнего финансирования малого и среднего бизнеса были перекрыты. Ведь при кредитовании этих не являющихся первоклассными заемщиков типичная ставка превышала 30%, но еще чаще в выдаче кредита таким предприятиям и организациям вообще отказывалось.

Фактически Банк России сделал ровно то, от чего предостерегал Кейнс: стал во время кризиса проводить политику дорогих денег ради поддержания курса валюты. Чем мотивировалось решение регулятора? Официальным таргетом Банка России является понижение инфляции до уровня 4% в 2017 г. Но фактически диктовать уровень инфляции Банк России не в состоянии — слишком значимы в современной российской экономике немонетарные факторы. Инфляция не столько таргетируется, т.е. целелеполагается на определенном уровне, а потом усилиями Банка

⁴ Избирательность вообще характерна для современного отношения к применению кейнсианского инструментария за пределами тех ситуаций, для которых их предназначал сам Кейнс. Особенно важным это, вероятно, является при попытках использовать наследие Кейнса в современной России [11–14].

России достигается, сколько с большим или меньшим успехом прогнозируется.

Реальный же выбор сценария быстрого или, напротив, медленного снижения современной, откровенно препятствующей росту экономики ключевой ставки кредитования, как следует из публикаций самого Банка России, напрямую завязывается на внешнеэкономическую ситуацию и, в частности, на цену нефти. Так, в «Докладе о денежно-кредитной политике» за 2015 г. говорится: «Банк России по-прежнему рассматривает наряду с базовым сценарием оптимистичный и рисковый

сценарий. Основное отличие данных сценариев заключается в динамике цен на нефть» [15, с. 3–4].

Между тем чем дальше, тем более очевидным становится, что возвращение России на траекторию экономического роста стало экзистенциальным вызовом для нашей страны. И одним из главных препятствий на этом пути является завышение ключевой ставки процента. Не стоит ли вслед за Дж. М. Кейнсом задуматься над тем, в каких случаях следует «счесть нужным» оплатить «роскошь» приоритетности целей внутреннего развития над целями внешнеэкономическими?

Литература (references)

1. Goslin R.A. *Made in USA*. New York, 1935.
2. Tippetts Ch.S. *Autarchy: National Self-Sufficiency*. Chicago, 1933.
3. Lammers C. *Autarkie, Planwirtschaft und berufsständischer Staat?* Berlin, 1932.
4. Laum B. *Die geschlossene Wirtschaft. Soziologische Grundlegung des Autarkieproblems*. Tübingen, 1933.
5. Petzina D. *Autarkiepolitik im Dritten Reich. Der nationalsozialistische Vierjahresplan. Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Bd. 16*, 1968.
6. Novak F. *L'idée de l'autarcie économique*. Paris, 1925.
7. Asher P.H. *National Self-Sufficiency*. London, 1938.
8. Кейнс Дж.М. *Общая теория занятости, процента и денег*. М.: Гелиос, 2015. 352 с.
Keynes J.M. *The General theory of employment, interest and money* [Obshhaja teoriya zanjatosti, procenta i deneg]. Moscow, Gelios, 2015, 352 p.
9. Keynes J.M. *National Self-Sufficiency. The New Statesman and Nation*, 1933, No. 8, pp. 35–68.
10. Keynes J.M. *National Self-Sufficiency, The Yale Review*, vol. 22, 1933, No. 4, pp. 755–769.
11. Дзарасов С.С. *Куда Кейнс зовет Россию?* М.: Алгоритм, 2012. 304 с.
Dzarasov S.S. *Where Keynes calls Russia?* [Kuda Kejns zovet Rossiyu]. Moscow, Algoritm, 2012, 304 p.
12. Маневич В.Е. *Кейнсианская теория и российская экономика*. М.: КомКнига, 2010. 224 с.
Manevich V.E. *Keynesian theory and the Russian economy* [Kejnsianskaya teoriya i rossijskaya ekonomika]. Moscow, Komkniga, 2010, 224 p.
13. Ядгаров Я.С. «Кейнсианская революция» в зеркале «нового курса» Ф.Д. Рузвельта // *Историко-экономические исследования*. 2013. Т. 4. № 3. С. 37.
Yadgarov Ya.S. “Keynesian revolution” in the mirror “new deal” of Franklin D. Roosevelt [“Kejnsianskaya revoyutsiya” v zerkale novogo kursa F.D. Ruzvel'ta]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya — Historical and economic research*. 2013, vol. 4, No. 3, p. 37.
14. Найденова Е.М. *Рузвельт, Кейнс и Великая Депрессия* // *Terra economicus*. 2013. Т. 11, № 4. С. 36–43.
Naydenova, E.M. *Roosevelt, Keynes and the Great Depression* [Ruzvel't, Kejns i Velikaya Depressiya]. *Terra economicus*, 2013, vol. 11, No. 4, pp. 36–43.
15. *Доклад о денежно-кредитной политике* // *Информационно-аналитический сборник*. 2015. № 4 (12), декабрь. М.: Банк России. 84 с.
The report on monetary policy. Information and analytical compendium [Doklad o denezhno-kreditnoj politike (2015)]. *Informacionno-analiticheskij sbornik — Information-analytical Bulletin*. 2015, No. 4 (12), December, Moscow, Bank of Russia, 84 p.